

— Разве это не воля третьего молодого господина? — кивнул он. — Иначе с чего бы ему так легко соглашаться идти с нами?

— А князь Аньпин и Дунли?

— Они вместе с главой крепости, даже княжна Фэн пришла.

Я снова спросил:

— Фэнлянь, тогда ты сказал мне: «Ты предал молодого господина, и если встретитесь вновь, моли о быстрой смерти». Неужели и сегодня ты станешь советовать мне то же самое?

Он опустил голову, погрузившись в раздумья, и лишь спустя долгое время произмолвил:

— Мне не угадать помыслов главы крепости. Он теперь совсем не тот, что прежде.

Черный Замок... Я всё же добрался до Черного Замка, о котором люди из мира цзянху смеют лишь мечтать, будучи не в силах туда попасть. Что же ждет меня здесь?

У ворот Чу Фэнлянь снял с меня блокировку точек ци. Я вышел из повозки и посмотрел на величественное здание, возведенное на склоне горы. Неужели это и есть Черный Замок? Огромный, сплошь угольно-черный — неудивительно, что его так называли.

Я улыбнулся Чу Фэнляню, на лице которого промелькнуло беспокойство, а затем перевел взгляд на Чу Фэнци. На его лице, как назло, по-прежнему не было ни единой эмоции, но стоило мне посмотреть на него, как он чуть отвел взгляд. Неужели боялся, что я замечу его заботу?

Вскинув голову, я вошел внутрь. В самом центре просторного зала восседал человек с суровым лицом и взглядом, острым словно молния, — это был не кто иной, как Су Мучэн.

Я сперва кивнул и улыбнулся сидевшим в стороне князю Аньпину, княжне Фэн и Шэнь Дули. Князь Аньпин тоже ответил улыбкой, в которой читалось одобрение, княжна Фэн вся извелась от тревоги — она явно хотела что-то сказать, но губы ее лишь беззвучно дрогнули, а Шэнь Дули подмигнул мне и взмахнул рукой, будто копируя мой жест из той ночи, словно говоря: «Мы снова встретились».

Затем я прямо посмотрел на Су Мучэна и произнес:

— Старший брат, давненько...

Затем я прямо посмотрел на Су Мучэна и с легкой улыбкой произнес:

— Старший брат, давненько не виделись.

Тон был таким, словно старые друзья обмениваются дежурными приветствиями после долгих лет разлуки.

Су Мучэн сидел неподвижно, словно изваяние. В его глазах не было ни радости, ни гнева — он просто пристально смотрел на меня, долго храня молчание.

До тех пор, пока улыбка на моем лице больше не желала держаться, пока я невольно не опустил смущенный взгляд, пока мое тело не забилося в едва заметной дрожи, пока воспоминания, казалось бы, давно засыпанные пеплом и забытые, не прорвали кокон, поднимаясь бурной, сокрушительной волной.

Тогда, узнав, что второй брат обречен на поражение, смертельно испугавшись, что мрачный старший брат лишит его жизни, я тайком побежал умолять Су Мучэна, пообещав по собственной воле остаться рядом с ним и отдать себя на его милость, лишь бы он пощадил второго брата.

Он сдержал слово. И не только тогда — все эти два года в розыске по Черному Замку числился лишь я один, о втором брате не было сказано ни слова, и даже вторую госпожу никто не стал тревожить.

Каковы бы ни были причины, это я нарушил слово, данное ему.

Вспоминая те месяцы, когда он лелеял меня и баловал, вспоминая его гнев, его улыбку, его властность и его нежность, вспоминая горячий поцелуй в высоту и чистые звуки сая, вспоминая его отчаянный взгляд в тот день, яростный рев и хлещущую кровь... Всё, абсолютно всё было словно вчера. Сердце вновь пронзила боль, и я больше не мог спокойно выдерживать его взгляд.

Я опустил голову и молчал.

Но до меня долетел его низкий голос, звучавший мягко и плавно.

— Видимо, ты просил недостаточно усердно, раз небеса тебе не помогли. Что скажешь на это теперь, м?

Я медленно опустился на колени и сказал с серьезным выражением лица:

— Му Жань стоит на своем: я знаю, что старший брат ненавидит меня. Бей или убивай — Му Жань не держит обиды.

— Ха-ха-ха, как удобно — не держит обиды! С чего бы мне верить, что ты и впрямь ни на что не обижен, а не сговорился со своим вторым братом, затеяв какую-нибудь хитроумную интригу?

Его смех был легким и свободным, но от слов разило жесточайшей сатирой.

Вспылив, я поднялся на ноги и громко произнес:

— В том, что случилось тогда, второй брат и впрямь не замешан. Верит старший брат или нет — Му Жань здесь, и пусть старший брат делает с ним что пожелает. Старшему брату достаточно одним ударом отправить Му Жаня на тот свет, чтобы узнать, есть у меня обида или нет.

— Что ж, даже теперь ты продолжаешь заступаться за него. И впрямь глубокая, неизбывная страсть! — Су Мучэн тихонько рассмеялся. — Неужели тебе так хочется умереть от моей руки?

— Мучэн, ты хочешь убить Сяо Жань-эра?! Как у тебя рука поднимается? Я не позволю! — княжна Фэн вскочила на ноги и завопила.

Вот уж прямолинейная княжна. И надо же было ей вырасти в императорском семействе — судя по всему, князь Аньпин оберегал ее слишком тщательно, раз она ничего не смыслит в житейской жестокости. Поступи я с главным братом так, как поступил, и вздумай он прикончить меня одним ударом, я бы еще и рад был. К тому же, если бы старший брат и впрямь хотел меня убить, стал бы он тратить столько сил? Не прояви он тогда сдержанности во время того удара, я бы давно был мертв.

Я с мрачной горечью произнес:

— Княжна, в те дни вы относились ко мне как к родному брату и подарили бесценные доспехи, а я обманул и предал вас. И теперь, когда вы снова заступаетесь за меня, мне стыдно до смерти. Я ведь даже ни разу не назвал вас старшей сестрой.

— Раз уж я признала тебя, ты — мой младший брат, — княжна Фэн схватила меня за руку, а затем обернулась к главному брату: — Мучэн, позволь мне сказать Сяо Жань-эру пару слов, хорошо?

Старший брат кивнул, не сводя глаз с ее руки, державшей мою.

Я незаметно высвободил запястье и улыбнулся — как бы то ни было, старший брат все еще любит меня, и с этого дня я больше никогда не стану его обманывать.

— Сяо Жань-эр, как ты можешь еще и улыбаться? Ты хоть знаешь, что Су Мухуа замышляет твою погибель? — встревоженно выпалила княжна Фэн.

— Сестра шутит, с чего бы второму брату вредить мне?

— Он велел тебе освоить Божественное Искусство Свадебного Наряда вовсе не из добрых побуждений! Ему нужна твоя сила внутренней энергии, не позволяй себя одурачить!

— Второму брату незачем меня обманывать. Эту технику я захотел освоить сам — изначально я планировал после ее завершения передать всю свою энергию второму брату.

— Да чтоб меня! Сяо Жань-эр, как ты можешь быть таким глупцом! — княжна Фэн от досады затопала ногами и принялась бить себя в грудь.

Я с улыбкой успокоил ее:

— Сестре не о чем беспокоиться, Му Жань знает, как поступить.

— А знаешь ли ты, что тот, кто принимает чужую энергию, сможет черпать ее до конца своих дней, а вот отдающий увядает и умирает от истощения? — поднявшись с места, шагнул вперед князь Аньпин.

— Раньше не знал. Благодарю князя за науку.

— Раз уж тебе известно, как именно Су Мухуа обошелся с тобою, неужели ты не чувствуешь гнева и боли?

— Му Жань уже говорил: Божественное Искусство Свадебного Наряда я решил освоить по собственной воле, при чем здесь второй брат? Мы со вторым братом все это время были неразлучны. Захоти он забрать мою энергию, он мог сделать это в любой момент, но он не стал — значит, он не желал подобного. Вы с княжной просто всё не так поняли. К тому же жизнь Му Жана принадлежит второму брату, и если она ему нужна, пусть забирает. Какие тут могут быть вопросы?

— Ты... — вздохнул князь. — Ну и ладно, ладно. Если ты не веришь, я ничего поделать не могу. Дунли, скажи ты.

Я улыбнулся: князь Аньпин и впрямь сильно полагается на Дунли.

Шэнь Дули, заметив мою улыбку, слегка кашлянул и произнес:

— Ваша Светлость, Му Жань умом и сообразительностью превосходит всех нас, он наверняка уже во всем разобрался, так что нам не о чем беспокоиться.

Уж кто-кто, а Дунли меня понимал.

Шэнь Дули вновь повернулся ко мне и спросил:

— Тот массив в прошлый раз — это Су Мухуа велел тебе его взломать?

— Нет, Му Жань случайно обнаружил его, и ему стало интересно, вот он и занялся изучением.

— Там ведь наверняка был не один этот массив?

— Еще три.

— И их Му Жань тоже обнаружил случайно?

— Верно.

— И все их взломал ты?

— Один тогда остался нетронутым, но способ его взлома я придумал еще несколько месяцев назад.

— Ты рассказывал об этом Су Мухуа?

— Разумеется.

— Му Жань знает о происхождении тех массивов?

— Нет.

Шэнь Дули вздохнул:

— Понятно. С нашими-то умами мы оба просчитались насчет Су Мухуа. Глубина его замыслов... Эх, Му Жань, кого угодно можно обмануть, но только не самого себя. Твой собственный разум не позволит тебе жить во лжи — в этом и заключается проклятие ума. Быть хоть чуточку проще, чуточку глупее — поистине великое счастье.

Я тоже вздохнул:

— Му Жань понимает.

Я знал, что он вспомнил мои слова. В тот день я сказал: «Я хочу, чтобы второй брат всю жизнь оставался таким же чистым, пусть даже немного простодушным. Всё, что ему по силам, пусть делает он, а что не под силу — сделаю я. Достаточно того, что я буду рядом со вторым братом, буду видеть его, касаться его, слышать его голос — и я буду счастлив. Пусть в прошлом меня и принудили к этому, я ни о чем не жалею. Даже если в будущем меня ждет тысяча смертей от тысячи порезов, даже если придется умереть сотню раз, я не пожалею».

Эти слова еще звучали в ушах, а теперь, вспоминая их, я видел в этом лишь жуткую, злую насмешку. Если бы я был проще, глупее, если бы не видел всего насквозь, смог бы я оставаться счастливым? Или же счастье для такого человека, как я, — всего лишь безумная фантазия, несбыточная мечта?

— Жалеет ли Му Жань о том, что было тогда?

— Не жалею.

Он больше ничего не спрашивал.

Отныне и вовек я буду считать Шэнь Дули своим единственным истинным другом. Подняв на него глаза, я улыбнулся. В его взгляде мелькнуло понимание — он уже угадал мои мысли, чуть кивнул в ответ, и мы обменялись улыбками. Слова были излишни, всё и так читалось между строк.

— Теперь вы можете уйти? — раздался холодный голос старшего брата. Снова ревнует. Я улыбнулся.

— Я только-только увидел Сяо Жань-эра и уходить не собираюсь. К тому же я еще не до конца понял, о чем они тут толковали.

— Пока ты дойдешь до конца, твои волосы поседеют. Мучэн, прошу тебя, относись к нему... впрочем, неважно. Прощайте. — Князь Аньпин поднялся и откланялся.

Княжна Фэн последовала за ним, сердито надув губы — она все-таки страшно боялась своего старшего брата.

Шэнь Дули отвесил глубокий поклон и произнес:

— Дунли будет ждать главу крепости и Му Жаня в Поместье князя Аньпина, непременно загляните туда. — Он снова помахал мне рукой и быстрой походкой догнал князя Аньпина.

Заметив, что они собираются уходить, Чу Фэнлян и Чу Фэнци вышли проводить их. В большом зале остались только я и старший брат. Меня вдруг охватила тревога — я опустил голову, не смея ни говорить, ни шевелиться.

Старший брат протянул руку, ухватил меня за подбородок и медленно заставил поднять лицо. Я по-прежнему прятал взгляд под опущенными ресницами.

— Куда подевалось твое красноречие? Почему ты молчишь?

Я бросил на него быстрый взгляд и тут же снова сомкнул веки. Лицо у него было на редкость спокойным, но от этого становилось еще страшнее, чем во время гнева.

Его палец легко коснулся моего глаза, играя с подрагивающими ресницами.

— Такие прекрасные глаза — ты пытаешься меня соблазнить? Неужели ты думаешь, что я до сих пор позволю тебе крутить мной как вздумается?..

Затем его палец легко коснулся моего глаза, играя с едва подрагивающими ресницами.

— Такие прекрасные глаза — ты пытаешься меня соблазнить? Неужели ты думаешь, что я до сих пор позволю тебе крутить мной как вздумается?

— Старший брат, — вздохнул я, чувствуя, что голова снова наливается тяжестью, а веки едва удастся разомкнуть. Похоже, я свалюсь без чувств еще до того, как старший брат успеет меня наказать, но от этого, боюсь, он разъярится только сильнее.

— Прошло два года, и всё изменилось. Тогда старший брат любил меня, поэтому и поддался на мои обманы; сегодня же старший брат ненавидит меня, и как он может... как может...

— Верно, прошло два года. Я слишком долго ждал этого дня.

Старший брат внезапно отпустил меня и откинулся на спинку кресла. На его лице застыло ленивое выражение, а голос прозвучал равнодушно:

— Разве ты не станешь умолять о пощаде, мой Сяо Жань-эр? Когда ты молишь о пощаде, это выглядит так соблазнительно. Если попросишь, пожалуй, наказание будет не столь суровым.

Лишившись его поддержки, мое тело качнулось. Я горько улыбнулся:

— Му Жань не станет умолять. Пусть старший брат делает то, что должен.

— Почему не просишь? Мой Сяо Жань-эр ведь мастерски умеет притворяться жалким, разве нет?

— Если Му Жань станет умолять о пощаде или того хуже — изображать раскаяние и

невыносимое страдание, это будет очередной ложью для старшего брата. Больше я не стану его обманывать.

— Ха-ха-ха, как громко сказано — больше не станет обманывать! А мало ли ты лгал раньше? Неужели ты думаешь, что я снова тебе поверю?

Старший брат расхохотался во весь голос, словно услышал нечто невероятно забавное, но в этом смехе сквозила глубокая, пронзительная тоска и опустошение.

И правда, после той боли, что пронзила его до костей, как он мог поверить мне вновь?

Сердце сжалось от невыносимой боли. Я попытался заговорить, но все вокруг вдруг расплылось перед глазами, тело налилось свинцовой слабостью, ноги задрожали, и я больше не мог держаться на ногах.

Вспомнив, что еще не до конца оправился от тяжелой болезни, а до этого лишь из последних сил держался на ногах, я понял, что теперь меня окончательно покидают все силы.

Я посмотрел на старшего брата и увидел, как его смех резко обрвался. Он холодно смотрел на меня, уголки его губ чуть скривились в издевательской усмешке, словно он говорил: «Отказываешься молить о пощаде? Значит, решил разыграть карту жалости».

Я изо всех сил старался широко раскрыть глаза, но он постепенно исчезал в тумане, пока перед глазами окончательно не потемнело и я не потерял сознание.

Во тьме слышался голос второго брата:

— Малыш, мы скоро увидимся, жди меня.

Я хотел взглянуть на него, но веки не открывались, и я мог лишь отчаянно кричать:

— Второй брат, не уходи!

Но в ответ раздалась лишь тишина. Я горько зарыдал:

— Второй брат, второй брат, за что ты так со мной?

Я метался из стороны в сторону, безостановочно задавая вопросы, но ответа не было.

Вдруг выскочил старший брат и бросился ко мне:

— Ты обманул меня, ты снова меня обманул! — изо рта у него хлынула алая кровь.

Я отчаянно затряс головой:

— Старший брат, нет! Я больше не буду тебя обманывать, клянусь, больше не буду! Поверь мне...

Но он внезапно обернулся главной госпожой:

— Бесстыдная тварь, я убью тебя!

Она бросилась на меня с мечом, но я не мог пошевелиться и лишь сорвал голос от истощного крика:

— Нет...

Я резко очнулся. Вокруг царила абсолютная тишина. Я был весь мокрый от пота, простыня подо мной насквозь пропиталась холодной влагой.

Подняв глаза, я увидел человека, который тихо сидел у изголовья кровати. Его лицо было мрачно и неподвижно, словно изваяние, а холодный лунный свет окутывал его фигуру серебристым сиянием.

— Старший брат, — с трудом выдавил я, не зная, что и сказать.

Заметив, что я пришел в себя, он медленно поднялся, подошел к окну и встал ко мне спиной, храня молчание.

Затем зазвучала плавная мелодия сяо — такая же чистая и звонкая.

Казалось, я вновь перенесся в то тихое, уютное утро шестнадцатого дня рождения, в те мгновения перед самой бурей.

В голове пронеслись события последних десяти с лишним лет. Второй брат — его любовь была настоящей, его забота обо мне была настоящей... но почему всё обернулось именно так?

Я закрыл глаза, и по щекам покатились слезы. Сначала я плакал беззвучно, но постепенно боль стала невыносимой, и я разрыдался в голос, больше не в силах сдерживаться.

Я плакал до тех пор, пока незаметно не забылся сном. Сквозь пелену забытья мне казалось, что звуки сяо не смолкали ни на минуту.

Когда я проснулся, день уже был в полном разгаре. Простыня под моим телом была сухой, а одежда — свежей.

Разомкнув глаза, я почувствовал, как опухли веки, а голову раскалывало от боли — видимо, вчера я проплакал слишком долго.

Какой позор: впервые в жизни разрыдаться в голос перед самым старшим братом. Интересно, не подумает ли он, что я снова затеял какую-то новую интригу?

Услышав шаги, я тут же натянул одеяло прямо на голову — в таком виде показываться кому-либо было явно не стоит.

Кто-то и впрямь вошел в комнату и тихо позвал:

— Третий молодой господин.

Я испуганно попытался приподняться, но сил не хватило, и наружу показалось лишь лицо — тело по-прежнему оставалось слабым.

— Третий молодой господин! — испуганно ахнула Дун'эр, заметив мои опухшие глаза и изможденное лицо.

— Дун'эр! — я тоже изумился, но совсем по другой причине...

— Вы что же, собираетесь стать матерью? Я и не знал, что вы уже...

— Остался всего месяц, — смущенно улыбнулась Дун'эр, медленно подойдя к кровати и присев рядом. — Услышав, что третий молодой господин прибыл, я тут же собралась в путь, но из-за своего положения добралась только вчера. Я так соскучилась по третьему молодому господину!

— Дун'эр, в тот день я...

— Третий молодой господин, не корите себя за прошлое. Дун'эр понимает, каково вам было, и не держит зла.

Дун'эр оставалась всё такой же понимающей. Я невольно улыбнулся.

— Дун'эр, твой муж поистине счастливчик, раз смог взять тебя в жены. Что он за человек? Хорошо ли к тебе относится?

Лицо Дун'эр порозовело:

— Он самый обычный простолюдин. Очень честный, порой простоватый, но ко мне относится прекрасно.

— Честный человек... — улыбнулся я. — Значит, и Дун'эр обрела свое счастье. Я очень рад за тебя.

Вспомнив о втором брате, я снова погрузился.

— Третий молодой господин, вчера вы весь день проспали в жару. Лекарь сказал, что у вас на душе скопилось слишком много тяжелых дум, и если не дать им выход, они повредят внутренние органы и оставят неизгладимый след на всю жизнь. Мы все так переживали, особенно глава крепости — он просидел у вашей постели всю ночь.

Эта девчонка всё так же не упускала случая замолвить словечко за старшего брата.

— Дун'эр, в твоём положении нельзя так переутомляться. Со мной всё в порядке.

— Третий молодой господин, после того как второй молодой господин так с вами обошелся, вам, должно быть, тяжело, но знайте — о вас всё ещё беспокоится столько людей.

— Это тебе Чу Фэнлянь наговорил? Дун'эр, знаешь ли ты что-нибудь ещё? Расскажи мне, пожалуйста. (Некоторые старшие товарищи жаловались, что предыдущая глава была непонятна, поэтому следующая часть призвана всё прояснить).

— Старший брат Чу сказал, что второй молодой господин использовал вас, чтобы разрушить тот массив — в нём, кажется, таилось нечто особенное. А ещё... ещё он заставил третьего молодого господина практиковать это Божественное Искусство Свадебного Наряда ради вашей энергии внутренней ци, чуть не убив вас.

— Вместо того чтобы расспрашивать Дун'эр, почему бы молодому господину не спросить самого Фэнляня?

Я поднял голову. Старший брат вошел в комнату с чашей лекарства в руках, а позади него семенил Чу Фэнлянь, несущий поднос с едой. Я мысленно усмехнулся: неужели в Черном Замке совсем не осталось людей, раз главе крепости и главному управляющему приходится лично прислуживать мне, простому узнику?

Дун'эр торопливо поднялась и отошла в сторону, а Чу Фэнлянь пододвинул ей табурет, чтобы она присела — этот громилла всё же умел проявлять заботу.

Увидев старшего брата, я невольно вспомнил вчерашние рыдания в голос и поспешно отвел взгляд.

Старший брат присел на кровать, прижал меня к своей груди и протянул пиалу с лекарством. Я не смел отказаться и покорно выпил горький отвар, невольно покосившись на Чу Фэнляна.

Тот извлек откуда-то леденец, но протянул его Дун'эр и, изогнув брови, с улыбкой посмотрел на меня:

— Третий молодой господин может спрашивать о чем угодно, Фэнлян не посмеет ничего утаить.

Я мысленно заскжетал зубами: ну и наглец же этот Чу Фэнлян, но в присутствии старшего брата я не смел и пикнуть.

Тоже выдавив улыбку, я произнес:

— Благодарю Фэнляна.

Затем я поднял глаза на старшего брата:

— Старший брат, я могу задать вопрос?

Старший брат кивнул. Он всегда был столь молчалив при посторонних, и только со мной становился многословнее?

— Фэнлян ведь не видел второго брата в Цзиньлине?

— Верно.

— И после этого тоже не встречал?

— Совершенно верно.

Судя по всему, стоило мне сделать шаг вперед, как второй брат тоже пустился в путь. Я направился на юг, а он — на север. Похода, всё это было спланировано заранее.

— Фэнлян потом всё время следовал за мной и Дунли? Вы ведь заранее обо всем договорились?

— Верно.

— А что было потом?

— Потом Дунли прислал весть о том, что у Су Мухуа недобрые замыслы, и велел мне отыскать тебя, передав лишь одну фразу — мол, тогда третий молодой господин пойдет со мной. Сам же он отправился искать Су Мухуа вместе с главой крепости и князем, чтобы помешать ему причинить тебе вред. Глава крепости волновался и отрядил следом Фэнци.

Я вздохнул. Дунли понимал меня лучше, чем я сам, и продолжать расспросы не было смысла.

Я вздохнул. Дунли знал меня, пожалуй, лучше, чем я сам, и продолжать расспросы не было смысла.

Чу Фэнлянь и Дун'эр молча вышли из комнаты. Я посмотрел на старшего брата и спросил:

— Старший брат, что же таилось в том массиве?

— Непревзойденное боевое искусство и несметные сокровища.

Старший брат взял поднос с едой и принялся сам кормить меня.

— Раз старший брат знал об этом, почему не забрал всё сам, вместо того чтобы позволить второму брату забрать всё?

Но старший брат упорно молчал, словно рассердившись. Меня вновь охватила тревога — неужели он все еще намерен меня наказать?

— Старший брат, я знаю, что ты ненавидишь меня, я...

— Я действительно ненавижу тебя. Все эти два года — изо дня в день, ежечасно. Я перебрал в мыслях сотни, тысячи способов заставить тебя молить о смерти, но... — старший брат крепко обнял меня, и в его голосе прозвучало беспомощное отчаяние. — Но стоило мне услышать, что твоя жизнь в опасности, как я едва не сошел с ума; стоило увидеть тебя — и рука не поднялась причинить тебе вред; когда же ты заболел, я испугался до смерти. Себя я ненавижу куда больше, чем тебя!

Я ошеломленно смотрел на него. Зная, что старший брат по-прежнему любит меня, я даже не подозревал, насколько отчаянной и мучительной была эта любовь.

— Жань-эр, ты сказал, что больше не станешь меня обманывать, и я верю тебе. А теперь ответь: ты все еще любишь Мухуа?

— Да, люблю. Добро, что сделал для меня второй брат, невозможно вычеркнуть из памяти. Возможно, он обманул меня, но я верю, что он не желал мне зла, и я не стану выносить ему приговор лишь на домыслах. Я буду ждать его объяснений.

— А если всё окажется правдой? Ты всё равно будешь любить его?

<http://bllate.org/book/21137/2144048>